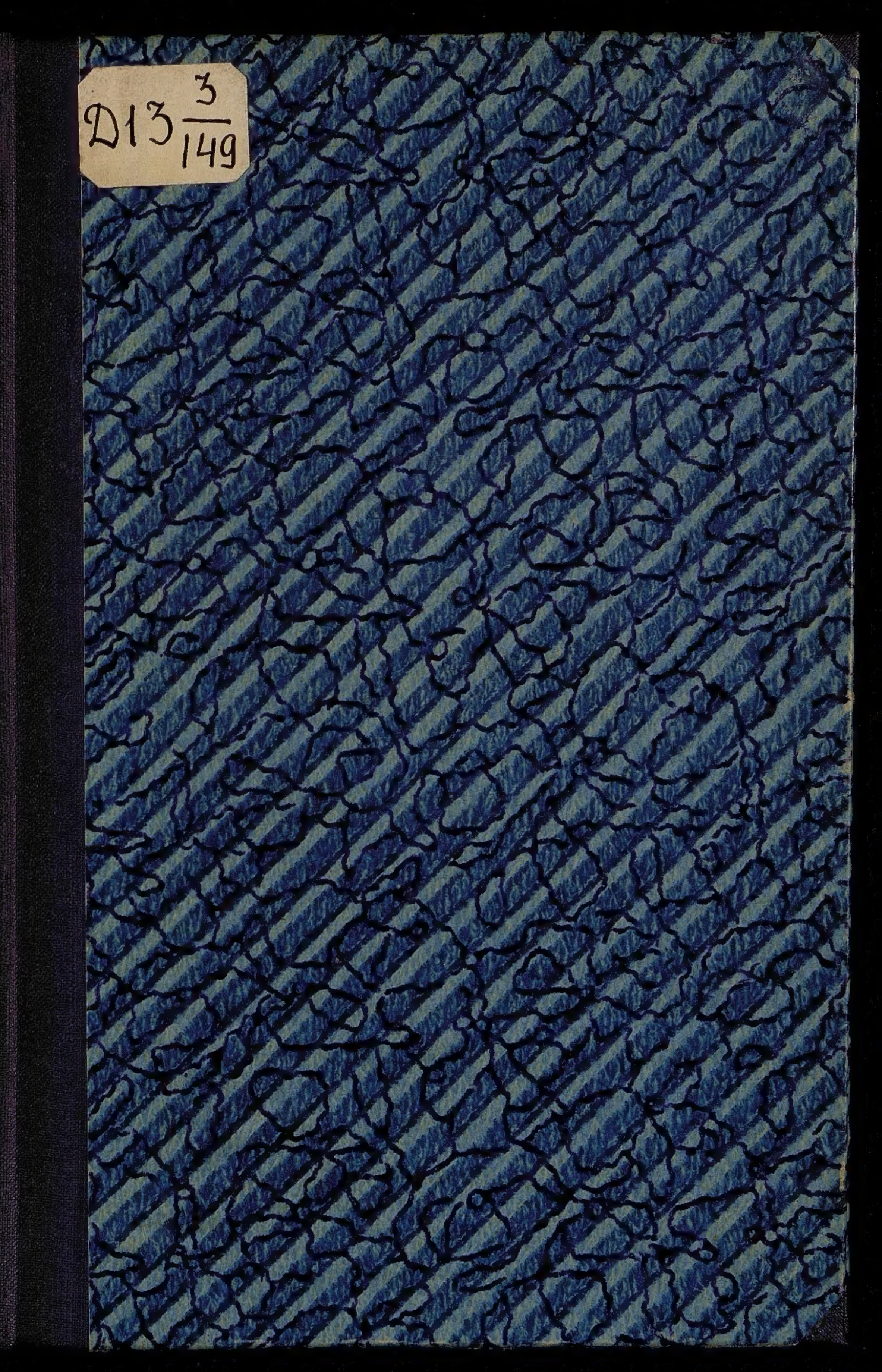

Чествованіе св. славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія въ древне-русской церкви

(по служебнымъ минеямъ и мѣсяцесловамъ, до 1682 года) [1].

I. Церковное чествованіе Кирилла и Меѳодія своимъ началомъ восходитъ къ очень отдаленнымъ временамъ. Біографъ Кирилла философа (авторъ т. наз. паннонскаго житія) говоритъ, что вскорѣ послѣ погребенія святого въ римской церкви св. Климента, подъ вліяніемъ чудесъ, которыя стали совершаться на его гробницѣ,—«Римлѧне болѣ приложишасѧ святыни єго и чести, и написавше ікѡну єго надъ гробомъ, начаша свѣщы надъ нимъ возжигати день и нощь, хвалѧще Бога, прославлѧющаго такѡ славѧщыѧ Его» [2].

Это письменное свидѣтельство находитъ полное подтвержденіе въ древнихъ вещественныхъ памятникахъ, открытыхъ ученымъ доминиканцемъ Меллули въ базиликѣ св. Климента. По освобожденіи храма отъ засыпавшаго его мусора, на стѣнахъ обнаружена была фресковая живопись. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ, по соображенію съ письменными памятниками, должны были находиться мощи св. Кирилла, на стѣнахъ оказались двѣ картины, на которыхъ археологи находятъ изображенія славянскаго первоучителя. На одной представлено духовное

---

[1]) Помѣщая эту статью, редакція имѣетъ въ виду поощреніе дальнѣйшей разработки разсматриваемаго предмета, хотя и не считаетъ основной, развиваемой въ первомъ параграфѣ, мысли автора такою, которая не могла бы возбуждать извѣстныхъ возраженій противъ себя. Въ качествѣ введенія къ ней см. статью того же автора въ «Церк. Вѣстникѣ» № 11, стр. 164. *Ред.*

[2]) Изборникъ службы, житїѧ, словеса похвальна и акаѳїстъ свѧтымъ оучителемъ словенскимъ Кѵрїллꙋ и Меѳодїю ѡбдержай. Спб. 1886 г. стр. рли. Въ интересахъ большинства читателей цитуемъ это изданіе, какъ самое доступное. Лучшее въ научномъ отношеніи изданіе житія сдѣлано покойнымъ Первольфомъ въ изданіи Палацкаго: «Fontes rerum bohemicarum» Praha, 1871.

лицо—не то священникъ, не то епископъ—въ греческихъ богослужебныхъ одеждахъ, съ бородой; вокругъ головы нимбъ — принадлежность святого. Святой этотъ совершаетъ таинство крещенія надъ юношей, по поясъ погруженнымъ въ водѣ. На другой картинѣ—сидитъ князь, а передъ нимъ, опустившись на колѣна, стоитъ духовное лицо, также съ нимбомъ вокругъ головы; князь дѣлаетъ рукою движеніе по направленію къ нѣсколькимъ лицамъ, стоящимъ передъ нимъ за колѣнопреклоненною фигурой святого. По толкованію Росси, оба рисунка представляютъ намъ сцены изъ исторіи миссіонерской дѣятельности Кирилла философа въ славянскихъ земляхъ: отправленіе Кирилла въ Моравію императоромъ Михаиломъ и крещеніе Кирилломъ молодого славянина [1]). Если последнее толкованіе можетъ еще возбуждать нѣкоторыя сомнѣнія, то первое находитъ въ самомъ изображеніи такое подтвержденіе, которое возводитъ предположеніе Росси на степень почти несомнѣннаго факта: на второй картинѣ сохранилось имя колѣнопреклоненнаго святого, написанное самимъ художникомъ; имя это—Кириллъ.

Находка о. Млелули, въ связи съ свидѣтельствомъ житія Кирилла философа, ясно свидѣтельствуетъ, что немного времени спустя послѣ кончины славянскаго первоучителя имя его было причислено въ Римѣ если не къ лику святыхъ (sanctificatio), то къ лику блаженныхъ (beatificatio), и такимъ образомъ было положено начало церковному чествованію его памяти. Однако начало такъ и осталось началомъ. Вызванное не столько религіозными, сколько политическими соображеніями (желаніемъ римской куріи расположить къ себѣ Моравію и тѣмъ отвлечь ее отъ Византіи), почитаніе Кирилла философа не получило дальнѣйшаго развитія на западѣ и скоро прекратилось: паденіе в.-моравской Святополковой державы (907 г.) сдѣлало его дальнѣйшее существованіе лишнимъ съ римской точки зрѣнія. По всей вѣроятности, прославленіе славянскаго первоучителя въ Римѣ такъ и не выходило изъ предѣловъ древняго Климентова храма, такъ что съ разрушеніемъ базилики норманнами въ 1084 г. подъ развалинами ея должны были погибнуть и самые слѣды его существованія въ столицѣ римской церкви [2]).

Прошедшее незамѣченнымъ на западѣ чествованіе Кирилла философа въ базиликѣ св. Климента получило тѣмъ не менѣе большое значеніе въ

---

[1]) Bullet. di arch. crist. 1863 г. № 2. Н. Красносельцевъ, «Церковь св. Климента въ Римѣ и соединенныя съ нею воспоминанія о славянскихъ апостолахъ». Казань 1885 г. стр. 26—29 (оттискъ изъ апрѣльской книжки «Православн. Собесѣдн.»).

[2]) Позднѣйшее чествованіе солунскихъ братьевъ у римско-католическихъ славянъ возникло независимо отъ древне-римскаго культа св. Кирилла.

исторіи нашего праздника: изъ римской базилики оно перешло въ православно-славянскую церковь и легло въ основу совершаемаго славянами и въ настоящее время чествованія солунскихъ братьевъ. Искреннее благоговѣніе передъ святою, подвижническою жизнью св. славянскихъ первоучителей, сознаніе громадности заслугъ первоучителей передъ славянскимъ міромъ и проистекающая отсюда сердечная признательность имъ, глубокая преданность начатому въ Моравіи дѣлу просвѣщенія славянъ,—всѣ эти чувства, составлявшія главное содержаніе внутренней, душевной жизни вѣрныхъ учениковъ Кирилла и Меѳодія послѣ кончины первоучителей, нашли въ римскомъ культѣ Кирилла философа готовую форму для своего внѣшняго выраженія. Но, разумѣется, скромные размѣры культа скоро перестали удовлетворять славянскихъ почитателей солунскихъ братьевъ, и рамки его постепенно стали расширяться, пока не достигли размѣровъ нынѣшняго торжественнаго чествованія ихъ въ православно-славянской церкви.

Развитіе возникшаго въ Римѣ чествованія Кирилла философа на славянской почвѣ прежде всего проявилось въ письменности. Нельзя сомнѣваться, что дошедшая до насъ отъ глубокой древности кирилло-меѳодіевская литература получила свое начало при непосредственномъ участіи ближайшихъ учениковъ Кирилла и Меѳодія. Сохраненіе въ потомствѣ памяти о первоучителяхъ и передача послѣдующимъ поколѣніямъ того чувства благодарности и благоговѣнія къ ихъ просвѣтительной дѣятельности, которое одушевляло ихъ самихъ, составляли не послѣднюю задачу дѣятельности ближайшихъ сподвижниковъ свв. братьевъ. Безъ сомнѣнія ихъ заботамъ обязаны славяне тѣмъ отраднымъ явленіемъ, на которое съ гордостью указываетъ черноризецъ Храбръ въ извѣстномъ сказаніи «О письменѣхъ», и слѣды котораго впослѣдствіи сохранялись въ русской школѣ весьма долго. Храбръ говоритъ, что славянскіе «букари» въ его время прекрасно знали, кѣмъ и когда составлены славянскія письмена и переведены славянскія книги [1]). Эти же свѣдѣнія сообщались и въ позднѣйшихъ русскихъ школьныхъ книгахъ [2]). Сопоставляя послѣднія съ показаніемъ черноризца Храбра, мы считаемъ себя въ правѣ предположить, что сообщеніе свѣдѣній о происхожденіи славянской письменности введено въ славянскую систему школьнаго преподаванія еще ближайшими преемниками Кирилла и Меѳодія

---

[1]) «Іоаннъ, экзархъ болгарскій» Калайдовича, М. 1824 г. стр. 191. Славянскимъ букарямъ Храбръ противополагаетъ греческихъ «книгочіевъ», среди которыхъ историческія свѣдѣнія о происхожденіи родной грамоты были мало распространены.

[2]) Мордовцевъ, «О русскихъ школьныхъ книгахъ XVII вѣка», М. 1862 г., стр. 49.

на поприщѣ славянскаго просвѣщенія, ихъ непосредственными учениками. Но, разумѣется, знакомство славянскихъ школьниковъ съ подвигами Кирилла и Меѳодія при жизни непосредственныхъ учениковъ свв. братьевъ было совсѣмъ не то, что зазубриваніе сообщенныхъ Храбромъ историческихъ свѣдѣній о письменахъ, во что впослѣдствіи выродился заведенный преемниками славянскихъ апостоловъ обычай. Конечно, ученики солунскихъ братьевъ не ограничивались сухой передачей тѣхъ свѣдѣній, которыя Храбръ вкладываетъ въ уста славянскихъ букарей. Одинъ изъ такихъ букарей, впослѣдствіи сдѣлавшійся болгарскимъ экзархомъ и пріобрѣвшій большую извѣстность въ исторіи славянской литературы переводомъ на славянскій языкъ сочиненій Іоанна Дамаскина, говоритъ, что онъ «многажды» слышалъ разсказы о просвѣтительной дѣятельности славянскихъ апостоловъ. Изъ словъ его видно также, что разсказы эти производили на слушателей весьма сильное впечатлѣніе [1]). И, конечно, мы не будемъ удивляться этому, когда вспомнимъ, что разсказчиками были моравскіе сподвижники Меѳодія и Кирилла, мученичествомъ засвидѣтельствовавшіе свою несокрушимую вѣрность учителямъ [2]), сознательно посвятившіе весь остатокъ своей жизни начатому въ Моравіи дѣлу просвѣщенія славянъ [3]).

Внутреннее настроеніе моравскихъ сподвижниковъ Кирилла и Меѳодія послѣ разгрома славянской церкви въ Моравіи, насколько оно раскрывается предъ нами въ памятникахъ IX и X ст., заставляетъ догадываться, что они не могли не посвятить части своего литературнаго труда прославленію подвиговъ своихъ учителей, чтобы прочнѣе запечатлѣть ихъ образы въ потомствѣ. Для письменнаго изложенія жизни и дѣятельности Кирилла философа было весьма сильно и внѣшнее побужденіе: причисленіе философа къ лику святыхъ требовало

---

[1]) «Іоаннъ, экзархъ болгарскій», стр. 129.

[2]) Исторія страданій и изгнанія изъ Моравіи вѣрныхъ учениковъ Кирилла и Меѳодія, не захотѣвшихъ измѣнить восточнымъ традиціямъ своихъ учителей, когда тамъ возобладали римско-католическія начала, разсказана въ такъ называемой болгарской легендѣ, напечатанной нѣсколько разъ и, между прочимъ, въ соч. г. Бильбасова: «Кириллъ и Меѳодій по западнымъ легендамъ». Спб. 1871 г.

[3]) Это сознаніе тѣснѣйшей связи между болгарскимъ продолженіемъ и моравскимъ началомъ культурно-историческаго движенія славянскаго племени ясно засвидѣтельствовано Константиномъ, епископомъ болгарскимъ, однимъ изъ учениковъ Кирилла и Меѳодія, въ его автобіографической замѣткѣ: «шествую нынѣ по слѣду учителю, имени ею и дѣлу послѣдуя («Молитва Константина философа сътворена азбукою», т. е. написана съ акростихомъ, представляющимъ въ послѣдовательномъ порядкѣ всѣ буквы славянской азбуки. *Преосв. Антонія* «Изъ исторіи христ. проповѣди». Спб. 1892 г., стр. 149, 173).

литературной обработки преданій о немъ для прославленія памяти святого въ церкви. Конечно, преданные ученики св. Кирилла философа не могли не замѣтить этой потребности и не удовлетворить ея.—Посвященные Кириллу письменные памятники вполнѣ подтверждаютъ наше заключеніе. Такъ называемая похвала св. Кириллу философу въ самомъ заголовкѣ, большею частью, приписывается ученику славянскихъ апостоловъ, еп. Клименту [1]). Покойный А. В. Горскій, впервые познакомившій ученый міръ съ древне-славянскими службами солунскимъ братьямъ, нашелъ въ канонѣ св. Кириллу [2]) отголоски той глубокой древности, когда славяне могли имѣть свободный доступъ въ базилику папы Климента для поклоненія мощамъ своего учителя [3]). Многія историческія подробности пространнаго житія Кирилла философа, заставляющія нѣкоторыхъ изслѣдователей (проф. Голубинскій, Малышевскій) относить происхожденіе памятника въ настоящемъ его видѣ ко временамъ даже самого Меѳодія, если и не даютъ еще права на такіе крайніе выводы, то во всякомъ случаѣ заставляютъ предполагать очень древнее происхожденіе того памятника, который легъ въ основу разсматриваемаго житія.

Когда въ произведеніяхъ IX и X вв. говорится о славянскихъ апостолахъ, то святымъ называется только Кириллъ философъ; да и другихъ признаковъ канонизаціи Меѳодія вмѣстѣ съ Кирилломъ не находимъ въ памятникахъ этого времени. Ясно, что Меѳодія, [illegible] не признаннаго на востокѣ и отвергнутаго на западѣ, не сразу внесла въ канонъ своихъ святыхъ и юная славянская церковь; это было сдѣлано только въ самомъ концѣ X или въ началѣ XI в. Повидимому, нѣкоторымъ основаніемъ (внѣшнимъ) для канонизаціи Меѳодія послужили близкія родственныя отношенія его къ *святому* Кириллу философу. По крайней мѣрѣ, первоначально церковь чтила его только вмѣстѣ съ Кирилломъ философомъ или какъ его брата. Въ этомъ смыслѣ составлены памяти св. Меѳодія въ древнѣйшихъ славянскихъ мѣсяцесловахъ подъ 6 апрѣля [4]); древ-

---

[1]) «Кирилло-меѳод. сборникъ» М. 1865 г. стр. 313; ср. стр. 309. Вышеупомянутый Изборникъ, стр. р҃м.

[2]) Пѣснь 9: ꙗкѡ солнце на земли возсїꙗ, оучителю, всюдꙋ притчами лꙋчами Богогласїꙗ просвѣщаꙗ, поющыꙗ тѧ вѣрою и ѡ рацѣ стоѧщихъ твоегѡ тѣла, помѧни, блаженне, своѧ оученики. Изборникъ, стр. к҃ѕ.

[3]) «Кир.-меѳ. сборн.», стр. 281: «послѣднія слова (см. предъидущее примѣч.) указываютъ на то время, когда связь между новопросвѣщенною страною пѣснопѣвца и Римомъ, гдѣ было положено тѣло св. Кирилла, была еще во всей силѣ».

[4]) Напр., въ мѣсяцесловѣ Ватиканскаго евангелія XI в. (Ассемани): и памѧть оусьпениѣ прѣподобьнааго отьца нашего Меѳодіа архиеп(искоу)па вышнѧіѧ Моравꙁи, брата прѣподобьнааго Курила философа; въ трефологіи Зографскаго монастыря XIII в. читаемъ: и памѧть о(ть)ца Меѳодіа

нѣйшая служба на 6 апрѣля—день кончины св. Меѳодія—составлена въ честь обоихъ братьевъ [1]); имъ обоимъ посвящено и похвальное слово на тотъ-же день [2]). Древнее житіе Меѳодія, помѣщенное въ древне-сербскомъ прологѣ подъ 25 августа, также надписывается именами обоихъ братьевъ и заканчивается такимъ образомъ: «тѣхь (т. е. и Кирилла и Меѳодія) молитвами, Христе, спаси душе»; характерно также начало житія: «тьи блажены убо и преподобны отець нашь Меѳодіе, архіепископь Вышнюю Мораву, *брать сущь преподобнаго Кирила философа, прьваго Учитель Словеньскихь книгь, родомь суща Солунѣнина*». Къ заголовку житія сдѣлана слѣдующая любопытная приписка: «творить же память *ею* ѕ априлѣ мѣсеца и вельми церкви празнуеть вь день память *ею*» [3]). Весьма трогательно это двойственное число въ примѣненіи къ солунскимъ братьямъ, какъ нераздѣльной двоицѣ, въ образѣ какой они, повидимому, представлялись автору приписки,—но для насъ интересно также, что въ двойственномъ числѣ о славянскихъ апостолахъ упоминается въ разговорѣ о службѣ *на 6 апрѣля*. Память Кирилла философа, 14 февраля, *никогда* не соединяется съ именемъ его старшаго брата [4]); житіе [5]),

---

оучителѣ словѣньскомоу народоу и брата єѫ (sic?) Кирилла философа. Ягичъ «Вопросъ о Кир. и Меѳ. въ слав. филологіи». Спб. 1885 г., примѣч. 4.

[1]) Свѧтыма оучителема словѣньскоу ꙗзыкоу Курила философа и блаженаго Меѳодиꙗ. «Кир.-меѳ. сборникъ», стр. 291—296.

[2]) На памѧть свѧтыма и преславныма оучителема Словенскꙋ ꙗзыкꙋ, сотворшема писмены емꙋ, преложшема новый и ветхїй законъ въ ѧзыкъ ихъ, блаженномꙋ Курїллꙋ фїлософꙋ и архїепископꙋ Паннонскꙋ Меѳодїю. «Изборникъ», стр. рмд҃. Научное изданіе слова см. въ «Fontes rerum bohemicarum».

[3]) «Вь тьжде день (августа ке҃) паметь вь светыхь поистинѣ преподобною отцу нашею Архіепископу Моравьскою Костандина, нарицаемаго Кирила философа, и Методія, брата его, и Учителѣ суща Словеньску езыку»,—«Іоаннъ экз. болг.» Калайдовича, стр. 90. Вѣроятно, неудачный заголовокъ этотъ составленъ переписчикомъ по самому житію, въ которомъ онъ повторяется цѣликомъ, но только безъ ошибокъ.

[4]) Напр. въ Остроміровомъ евангеліи 1056—7 г. на л. 265 читаемъ: мца то҃ (февраля въ 14 день) гд҃ преподобьнаго аѵѯента чоудотворьца и преподобьнаго отца нашего Костантина философа, нареченаго въ чрьньчьство именьмь курила. Изд. Востокова 1843 г.—Въ охридскомъ апостолѣ XII в. память изложена такъ: и Кирилоу оучителѣ Словѣньскоу ѩзыкоу. «Др.-слав. памятники юсоваго письма» Срезневскаго, Спб. 1868 г., стр. 90.

[5]) Въ «Изборникѣ» на стр. уг҃ помѣщено пространное, т. наз. паннонское житіе Кирилла, неоднократно печатавшееся въ разныхъ изданіяхъ. Краткое житіе напечатано Погодинымъ въ приложеніи къ переводу соч. Добровскаго «Кириллъ и Меѳодій» (М. 1825) и нахо-

похвальное слово [1]) и служба [2]), помѣщаемыя въ богослужебныхъ книгахъ подъ 14 февраля, всѣ прославляютъ одного только Кирилла и посвящаются, въ заголовкахъ, ему одному.

Такое распредѣленіе матеріала въ кирилло-меѳодіевской литературѣ давно было подмѣчено изслѣдователями, хотя не совсѣмъ точно,—и принималось ими въ соображеніе при заключеніяхъ о происхожденіи памятниковъ. Изслѣдователи, признающіе за кирилло-меѳодіевскою литературой болѣе древнее ея происхожденіе, въ молчаніи кирилловскихъ памятниковъ о Меѳодіи видятъ указаніе на составленіе ихъ въ то время, когда послѣдній былъ еще живъ [3]); тѣ же, которые не считаютъ происхожденія кирилло-меѳодіевской литературы столь древнимъ, пользуются указанной особенностью кирилловскихъ памятниковъ для развитія мысли о взаимной связи послѣднихъ съ памятниками, посвященными Меѳодію [4]). Развитіе кирилло-меѳодіевской литературы, съ этой точки зрѣнія, происходило, такъ сказать, попарно; каждая пара соотвѣтствующихъ произведеній (два пространныхъ житія, двѣ службы, два похвальныхъ слова) была написана однимъ лицомъ и составляетъ одно цѣлое. Если въ кирилловскомъ памятникѣ не упоминается о Меѳодіи, это значитъ, съ излагаемой точки зрѣнія, — что авторъ его написалъ уже соотвѣтствующее произведеніе, посвященное Меѳодію, и при составленіи перваго имѣлъ его въ виду [5]).

дится въ печатномъ прологѣ. Ниже мы познакомимся съ разновидностью этой редакціи, встрѣчающеюся въ русскихъ хронографахъ. Другая краткая редакція житія, извѣстная подъ названіемъ «Успенія св. Кирилла философа» и въ русскихъ спискахъ не встрѣчающаяся, напечатана въ вышеупомянутомъ соч. г. Бильбасова, на стр. 238—246. Въ первой и третьей редакціи житія имя Меѳодія встрѣчается, но только мимоходомъ, насколько оно находится въ связи съ главнымъ предметомъ—біографіей Кирилла философа.

[1]) Имѣемъ въ виду собственно Похвалу св. Кириллу философу. Похвальное слово обоимъ братьямъ впослѣдствіи стало помѣщаться и подъ 14 февраля, но присутствіе его здѣсь, разумѣется, не опровергаетъ нашего взгляда.

[2]) Срезневскій, «Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстн. и неизвѣстн. памятн.» № XXVIII; «Изборникъ», стр. ѳі.

[3]) Изслѣдованіе прот. Горскаго о древнихъ службахъ Кириллу и Меѳодію. «Кирилло-меѳод. сборникъ», стр. 281.

[4]) Мысль эта впервые намѣчена тѣмъ-же Горскимъ въ его замѣчательномъ изслѣдованіи пространныхъ житій Кирилла и Меѳодія. Ibidem, стр. 9.

[5]) Вороновъ, «Кириллъ и Меѳодій. Главнѣйшіе источн. для исторіи Кир. и Меѳ.». Кіевъ, 1877 (Изъ «Трудовъ К. Д. Ак.» за 1876 и 1877 гг.).

Оба мнѣнія нельзя признать убѣдительными: первое слишкомъ условно,—второе искусственно и несогласно съ памятниками. Мы думаемъ, что смыслъ загадочнаго распредѣленія матеріала въ изслѣдуемыхъ памятникахъ скрывается въ исторіи канонизаціи славянскихъ апостоловъ и становится совершенно понятенъ съ предлагаемой нами точки зрѣнія. Въ памятникахъ, относящихся къ Кириллу философу, потому не говорится о Меѳодіѣ, что Меѳодій не былъ еще канонизованъ [1]); наоборотъ въ меѳодіевскихъ памятникахъ говорится и о Кириллѣ философѣ потому, что послѣдній былъ уже давно извѣстенъ въ агіологической литературѣ, когда впервые появился въ ней Меѳодій: имя Кирилла философа, поставленное рядомъ съ именемъ его старшаго брата, сразу опредѣляло личность послѣдняго.

Съ теченіемъ времени, впрочемъ, чествованіе св. Кирилла 6 апрѣля выходитъ изъ употребленія, и праздникъ Меѳодія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и посвященная ему литература получаютъ болѣе самостоятельный характеръ: въ мѣсяцесловѣ имя Кирилла подъ 6 апрѣля исчезаетъ [2]); составляется новая служба Меѳодію, въ русскихъ спискахъ не встрѣчающаяся [3]); получаетъ свой настоящій видъ и такъ называемое паннонское житіе св. Меѳодія, въ первоначальной своей редакціи, думается намъ, обнимавшее жизнь и дѣятельность обоихъ братьевъ [4]).

Таковъ общій ходъ развитія кирилло-меѳодіевской агіологической литературы, перешедшей скоро, въ богослужебныхъ книгахъ, и въ Россію. Теперь прослѣдимъ историческую судьбу въ русской письменности тѣхъ изъ упомянутыхъ выше произведеній, которыя имѣютъ ближайшее отношеніе къ богослуженію (службы и мѣсяцесловныя памяти), и постараемся выяснить ихъ вліяніе на послѣднее.

II. Большая часть указанныхъ произведеній давно открыта учеными

---

[1]) Имя Меѳодія, какъ извѣстно, встрѣчается нѣсколько разъ въ пространномъ житіи Кирилла философа, но всегда безъ эпитетовъ «святый», «блаженный». Проф. Голубинскій заключаетъ отсюда, что житіе написано при жизни Меѳодія («Твор. свв. отцовъ» за 1885 г. кн. III, стр. 211). На какомъ основаніи г. Голубинскій заключаетъ, что Меѳодій былъ канонивованъ сряду послѣ своей смерти, мы не знаемъ.

[2]) Напр., въ типографск. четвероев. XII в.: памѧт отца Меѳодіа архїеп(искоу)па моравьска: «Вопросъ о Кир. и Меѳ.», примѣч. 4.

[3]) «Кирилло-меѳод. сборн.», стр. 251—7; Странникъ 1885 г. апрѣль; «Изборникъ», стр. кз. Ясные слѣды прежняго двойственнаго характера праздника сохранились однако и въ службѣ новой редакціи: имя Кирилла находится не только въ канонѣ, но и въ заголовкѣ службы: «преподобнаго отца Меѳодіа, учителѣ словѣньскому народу, и брата его Кирила философа». Въ «Изборникѣ» заголовокъ подновленъ.

[4]) «Чтенія въ Общ. ист. и древн.» за 1865 г. кн. I; «Изборникъ», стр. ѻ҃г.

въ русскихъ спискахъ богослужебныхъ книгъ, и притомъ въ самыхъ древнихъ. Къ извѣстнымъ намъ мѣсяцесловамъ Остромірова и Типографскаго евангелій можно было бы присоединить еще нѣсколько древне-русскихъ мѣсяцеслововъ съ именами славянскихъ первоучителей подъ 14-мъ февраля и 6-мъ апрѣля; упоминавшійся выше единственный пока списокъ канона свв. братьямъ находится въ русской служебной минеѣ XII-го вѣка; службы св. Кириллу философу извѣстны въ настоящее время въ шести русскихъ спискахъ XI—XIII вв; древнѣйшіе списки такъ называемаго паннонскаго житія св. Меѳодія и похвальнаго слова обоимъ братьямъ находятся въ русской четь-минеѣ XII—XIII вѣка, принадлежащей московскому Успенскому собору. Житія Кирилла философа съ похвалой ему до сихъ поръ не удалось открыть въ столь-же древнемъ спискѣ, какъ перечисленныя рукописи,—но едва-ли можно сомнѣваться въ настоящее время, что древняя Русь была знакома и съ этимъ памятникомъ [1]). Обзоръ древне-русской письменности, такимъ образомъ, убѣждаетъ насъ, что русская церковь уже на первыхъ порахъ своего существованія располагала вполнѣ достаточнымъ матеріаламъ для самаго полнаго чествованія славянскихъ апостоловъ.

И русская церковная исторія уже давно воспользовалась открытіями славянской науки для заключенія, что славянскіе первоучители были чтимы въ древне-русской церкви наравнѣ съ остальными славянскими святыми. Выводъ этотъ, впервые сдѣланный, если не ошибаемся, преосв. Филаретомъ [2]), пользуется правами гражданства по настоящее время, и такимъ образомъ первый періодъ исторіи нашего вопроса пока не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Нельзя того же сказать о послѣдующемъ его развитіи. Въ литературѣ давно замѣчено, что памятники церковнаго чествованія славянскихъ апостоловъ составляютъ принадлежность только древней русской письменности; въ богослужебныхъ книгахъ послѣдующаго періода они встрѣчаются далеко не всѣ. Еще Шлецеръ указывалъ, что въ современныхъ ему русскихъ святцахъ имена Кирилла и Меѳодія не встрѣчаются [3]). И дѣйствительно, въ XVIII и въ XIX ст.

---

[1]) Впрочемъ г. Барсуковъ въ «Источникахъ русской агіографіи» (Спб. 1882, стр. 295) указываетъ житія свв. братьевъ въ 17-ти пергаментныхъ прологахъ XII—XV вв., хранящихся въ библ. моск. синод. типографіи; къ величайшему нашему сожалѣнію мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній объ этихъ интересныхъ памятникахъ.

[2]) «Чт. въ Общ. ист. и древн.», 1847 г., кн. 7, стр. 34.

[3]) Nestor, Russ. Ann. III Bd., s. 149. Русскій переводчикъ возражалъ Шлецеру, что «православная наша церковь празднуетъ память сихъ преподобныхъ 11 мая», — подтверждая свое возраженіе ссылкою на печатныя четь-минеи (II, стр. 406),—но возраженіе направлено было не по адресу: конечно, Шлецеръ имѣлъ въ виду церковное

(до 1863 г.) внѣшняя связь русской церкви съ первоучителями славянъ поддерживалась только въ прологѣ да четь-минеѣ, гдѣ и понынѣ печатаются житія солунскихъ братьевъ (подъ 11 мая и 14 февраля). Когда-же и почему исчезли изъ богослужебныхъ книгъ остальные кирилло-меѳодіевскіе памятники?

Поставленные вопросы составляютъ самый важный пунктъ въ исторіи чествованія Кирилла и Меѳодія русскою церковью, но для рѣшенія ихъ у насъ еще почти ничего не сдѣлано. Преосвящ. Сергій замѣтилъ относительно службъ Кириллу и Меѳодію, что въ минеяхъ іерусалимскаго устава онѣ не встрѣчаются; въ замѣнѣ студійскихъ книгъ іерусалимскими онъ и надѣется, повидимому, найти рѣшеніе вопроса [1]). Догадку преосв. Сергія развиваетъ и высказываетъ уже въ рѣшительной формѣ преосв. Димитрій, авторъ «Мѣсяцеслова святыхъ, всею русскою церковью и мѣстно чтимыхъ» [2]). Однако съ нею нельзя согласиться. Дѣйствительно, службы славянскимъ первоучителямъ встрѣчаются въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ только до введенія іерусалимскаго устава (за исключеніемъ единственнаго случая, который постановки вопроса не измѣняетъ;

чествованіе памяти славянскихъ первоучителей, какое, по его заявленію, совершалось «у прочихъ христіанъ», особенно же у моравань и богемцевъ, ежегодно 9-го марта (Ibid.). Возраженіе переводчика любопытно само по себѣ, какъ проявленіе того смущенія, какое, повидимому, чувствовали русскіе читатели «Нестора», когда доходили до сдѣланнаго въ немъ сопоставленія отношеній русской и римско-славянской церквей къ памяти славянскихъ первоучителей. Любопытно и то, что потребность въ смягченіи сдѣланнаго наблюденія была, а средствъ для ея удовлетворенія не было: переводчикъ умалчиваетъ напр. о прологѣ, въ которомъ и въ его время находились житія обоихъ солунскихъ братьевъ (подъ 11 мая и 14 февр.) и ссылается только на четь-минею, съ кирилло-меѳодіевскимъ житіемъ которой подробно познакомилъ ученый міръ тотъ-же Шлецеръ въ X гл. своего «Нестора»; въ подлинникѣ это прекрасное изслѣдованіе нѣмецкаго ученаго о славянскихъ первоучителяхъ было уже знакомо переводчику, когда тотъ писалъ свое возраженіе.

[1]) «Странно, что служба (службы?) Кириллу и Меѳодію, находившаяся въ студійскихъ минеяхъ, не внесена въ минеи іерусалимскаго устава (,) и *такимъ образомъ* празднованіе симъ святымъ было оставлено въ Россіи до новѣйшихъ временъ». «Вост. агіол.», стр. 159. Эту, не отличающуюся полной ясностью, цитату дословно (въ ковычкахъ) приводитъ акад. Ягичъ («Вопросъ о Кир. и Меѳ.» стр. 36) и г. Барсуковъ («Источн. р. агіогр.» стр. 293) въ объясненіе судьбы памятниковъ.

[2]) «Съ XI в. въ продолженіе трехъ столѣтій, *до введенія въ Россіи іерусалимскаго устава*, въ Россіи праздновалась память славянскихъ апостоловъ и совершались имъ службы». «Мѣсяцесл. вост.» III, стр. 296.

о немъ будетъ рѣчь ниже), но все-таки для того, чтобы поставить оба явленія въ причинныя отношенія другъ къ другу, необходимо доказать прежде, что службы продержались въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ вплоть до реформы церковнаго устава въ русской церкви, т. е. до конца XIV ст.; а этого-то и нельзя доказать. Мы видѣли выше, что въ числѣ семи списковъ службы славянскимъ апостоламъ, открытыхъ по настоящее время въ русской богослужебной письменности, ни одного списка нѣтъ моложе XIII в.; къ XIII в. Срезневскимъ отнесенъ одинъ только списокъ, остальные-же всѣ принадлежатъ XI и XII вѣкамъ. Ясно, что переписка службъ прекратилась задолго до церковной реформы: иначе не могли-бы не сохраниться эти памятники въ спискахъ XIV в. и даже преимущественно въ спискахъ этого времени, потому что русскія богослужебныя книги студійской редакціи дошли до насъ отъ XIV вѣка въ наибольшемъ количествѣ экземпляровъ.

Сказанное сейчасъ о службахъ Кириллу и Меѳодію вполнѣ примѣнимо и къ мѣсяцесловнымъ памятямъ ихъ. Правда въ нѣсколькихъ спискахъ мѣсяцеслова отъ XIV-го в. также встрѣчаются имена славянскихъ первоучителей, но число ихъ (въ настоящее время намъ извѣстно четыре) настолько незначительно для всего количества извѣстныхъ намъ студійскихъ мѣсяцеслововъ означеннаго времени, что смѣло можетъ быть названо рѣдкимъ исключеніемъ. При этомъ обращаетъ на себя вниманіе слѣдующее обстоятельство: повидимому, исключеніе составляютъ не памяти Кирилла и Меѳодія въ мѣсяцесловахъ XIV в., а самые мѣсяцесловы съ именами славянскихъ первоучителей въ богослужебной письменности XIV в. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно въ новгородской Софійской библіотекѣ 6 евангелій XIV в. съ мѣсяцесловами (№№ 2, 3, 5—8); изъ нихъ въ одномъ только (№ 7) мы встрѣтили, подъ 14 февраля, память «прѣподокнаго отца Кирїла учителя словеньска», и именно этотъ мѣсяцесловъ преосв. Сергій отмѣчаетъ въ обзорѣ славянскихъ мѣсяцеслововъ XIV ст., какъ наиболѣе оригинальный [1]). Другой мѣсяцесловъ XIV в. съ памятью Кирилла философа находится въ Румянцевскомъ музеѣ (по описанію Востокова № CXIII, стр. 180); онъ также не подходитъ къ наиболѣе распространенному въ XIV ст. типу русскаго мѣсяцеслова, тѣмъ, что не имѣетъ ни одного русскаго святого.—Въ типографскомъ уставѣ XIV в., № 1236, помѣщены памяти обоихъ братьевъ, подъ 14 февраля и 6 апрѣля [2]),—а въ октоихѣ новгородской Софійской библіотеки, того-же времени, память одного Меѳодія подъ 6 апрѣля [3]).

И такъ при болѣе тщательномъ изученіи вопроса оказывается, что

[1]) «Восточная агіологія», Спб. 1875 г., стр. 110.
[2]) Мансветовъ, «Церковный уставъ (типикъ)». М. 1885, стр. 394.
[3]) № 157, л. 134: ѡч. нефоди.

памятники чествованія славянскихъ первоучителей составляютъ принадлежность русской письменности только въ первой половинѣ изслѣдуемаго періода, во второй-же половинѣ или совсѣмъ не встрѣчаются, или встрѣчаются рѣдко. Въ свою очередь, отсюда слѣдуетъ, что введеніе іерусалимскаго устава въ Россіи не могло имѣть на судьбу нашихъ памятниковъ того вліянія, какое приписываютъ ему преосв. Сергій и Дмитрій. Чѣмъ-же объясняется исчезновеніе кирилло-меѳодіевской литературы?

Разсматриваемое явленіе принадлежитъ исторіи богослужебной письменности, и потому объясненіе его слѣдуетъ искать прежде всего въ общихъ условіяхъ развитія послѣдней. Но бѣда въ томъ, что исторія богослужебной письменности въ русской церкви до конца XIV в. пока еще не написана. Считаемъ нужнымъ отмѣтить это обстоятельство какъ въ объясненіе современнаго, довольно печальнаго положенія вопроса въ литературѣ, такъ и въ оправданіе почти неизбѣжныхъ недостатковъ своего послѣдующаго изложенія.

Древне-русскія богослужебныя книги, при первомъ знакомствѣ съ ними по описаніямъ, поражаютъ изслѣдователя разнообразіемъ своихъ редакцій, производя впечатлѣніе какого-то хаоса [1]). Ближайшее знакомство съ памятниками однако скоро смягчаетъ это непріятное впечатлѣніе: по мѣрѣ изученія ихъ выясняется, что памятники тѣмъ разнообразнѣе, чѣмъ древнѣе, что въ XIV в. въ богослужебныхъ книгахъ начинаютъ вырабатываться общіе типы, которые и получаютъ преобладаніе въ русской богослужебной практикѣ. Очевидно, что процессъ образованія такихъ типическихъ представителей каждой богослужебной книги, насколько онъ успѣлъ обозначиться къ концу XIV ст., когда насильственно былъ прерванъ введеніемъ іерусалимскаго устава, составляетъ сущность историческаго развитія древне-русской богослужебной письменности, а выясненіе его представляетъ главный вопросъ научной разработки исторіи древне-русскаго богослуженія. Процессъ этотъ могъ совершиться двояко: или въ установившемся къ концу періода типѣ были собраны выдающіяся особенности, если не всѣхъ, то болѣе распространенныхъ въ древности редакцій мѣсяцеслова, или просто какая-нибудь изъ древнихъ редакцій получила преобладаніе надъ остальными и вытѣснила ихъ изъ обращенія.

Древнѣйшій русскій мѣсяцесловъ при Остроміровомъ евангеліи, по замѣчанію преосв. Сергія, принадлежитъ семьѣ южно-славянскихъ мѣсяцеслововъ («Вост. агіол.», стр. 110). Эти мѣсяцесловы, въ основѣ своей, принадлежатъ студійской редакціи, но въ тоже время заключаютъ въ себѣ замѣтные слѣды вліянія западной церкви. Тѣ-же признаки встрѣ-

[1]) Спѣшимъ оговориться, что богослужебныя книги насъ интересуютъ въ настоящее время лишь той своей частью, которая относится къ мѣсяцесловамъ.

чаются и въ другихъ русскихъ спискахъ мѣсяцеслова, преимущественно древнѣйшихъ. Въ мѣсяцесловахъ XIV ст., за весьма рѣдкими исключеніями, мы не встрѣчаемъ ихъ: эти мѣсяцесловы въ своей основѣ представляютъ образцы аѳонской редакціи студійскаго мѣсяцеслова. Въ настоящее время мы не можемъ фактически доказать, но съ увѣренностью высказываемъ предположеніе, что все разнообразіе древне-славянскихъ богослужебныхъ книгъ и сведется въ концѣ концовъ къ раздѣленію на двѣ редакціи: романо-студійскую и аѳоно-студійскую. Замѣна первой редакціи второю и составляетъ сущность интересующаго насъ историческаго процесса. Не беремся рѣшать вопроса, какъ именно производилась эта замѣна: былъ ли сдѣланъ новый переводъ богослужебныхъ книгъ, или старыя книги приспособлены къ новымъ требованіямъ,—для насъ пока важно только установить самый фактъ реформы церковнаго устава, совершенной задолго до введенія въ русской церкви богослужебныхъ книгъ іерусалимской редакціи. Въ немъ-то мы и находимъ объясненіе таинственнаго исчезновенія памятниковъ церковнаго чествованія славянскихъ апостоловъ изъ руской богослужебной письменности. Связь этихъ памятниковъ съ первой, изчезнувшей, редакціей богослужебныхъ книгъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію; мы не можемъ только прослѣдить ее по всѣмъ рукописямъ, въ которыхъ они встрѣчаются,—а потому не можемъ съ увѣренностью сказать, что *всѣ* такія рукописи принадлежатъ романо-студійской редакціи. Но если-бы нѣкоторыя изъ нихъ и были причислены къ редакціи аѳоно-студійской, то онѣ ни въ какомъ случаѣ не поколеблютъ нашей мысли, что кирилло-меѳодіевскіе памятники въ богослужебныя книги послѣдней редакціи не вошли или, по крайней мѣрѣ, не заняли въ нихъ прочнаго положенія.

Водворенію въ русской церкви богослужебныхъ книгъ аѳоно-студійской редакціи было положено начало въ 1072 г. введеніемъ устава какого-то аѳонскаго монастыря въ обители преп. Ѳеодосія печерскаго. Къ этому же времени мы пріурочиваемъ и начало исчезновенія кирилло-меѳодіевскихъ памятниковъ изъ богослужебной письменности древне-русской церкви.

Чѣмъ-же отразилась утрата нашихъ памятниковъ на богослужебной практикѣ русской церкви? Намъ кажется нѣсколько преждевременнымъ утвержденіе преосв. Димитрія и Сергія, что съ исчезновеніемъ службъ апостоламъ славянъ изъ богослужебныхъ книгъ на Руси прекратилось и самое богослуженіе въ честь ихъ. Еще вопросъ, совершалось ли въ древней Руси богослуженіе въ честь Кирилла и Меѳодія. Печальная судьба памятниковъ, наоборотъ, возбуждаетъ сильныя сомнѣнія въ ихъ церковно-практическомъ значеніи. Категорическое рѣшеніе вопроса пока едва ли возможно, потому что прямыхъ указаній на совершеніе или несовершеніе празднества не находится въ источникахъ. Что-же касается раз-

бираемыхъ памятниковъ, то оцѣнка ихъ вполнѣ должна зависѣть отъ общаго взгляда на взаимныя отношенія между богослужебной практикой и богослужебной письменностью: той, или другой принадлежитъ преимущественное вліяніе на развитіе богослуженія?

Спора нѣтъ, что для установленія извѣстнаго богослужебнаго строя нужна соотвѣтствующая богослужебная письменность; но это вовсе не значитъ, чтобы богослужебный порядокъ и устанавливался сообразно съ наличнымъ составомъ богослужебныхъ книгъ. Наоборотъ, послѣднія, по мѣрѣ возможности, всегда примѣняются къ тому строю церковной жизни, какой желателенъ церковной іерархіи. Можно ли признать современное богослуженіе въ русскихъ церквахъ вполнѣ согласнымъ съ богослужебными книгами? Вѣдь всѣмъ извѣстно, что богослужебныя книги во всей Россіи однѣ и тѣ-же, а богослужебные порядки не всегда и не вездѣ одни и тѣ-же. Конечно, разница въ богослуженіи двухъ петербургскихъ церквей или даже въ богослуженіи церквей двухъ русскихъ епархій не столь существенна, но зато вѣдь въ настоящее время богослуженіе русской церкви вступило въ X-й вѣкъ своего развитія, а на протяженіи 9-ти слишкомъ вѣковъ существованія русской церкви примиреніе богослужебныхъ книгъ съ церковной практикой было одной изъ главныхъ заботъ церковной власти. Несомнѣнно, что въ старину единенія между практикой и письменностью въ богослуженіи русской церкви было меньше, чѣмъ теперь, и чѣмъ дальше пойдемъ отъ настоящаго времени къ началу русской исторіи, тѣмъ больше по числу и крупнѣе по внутреннему значенію найдемъ разногласія между ними. Слѣдовательно, богослужебныя книги сами по себѣ представляютъ очень ненадежное свидѣтельство о богослуженіи; и тѣмъ менѣе можно полагаться на нихъ, чѣмъ древнѣе изслѣдуемая эпоха.

Богослужебный строй русской церкви возникъ изъ двухъ основныхъ элементовъ: изъ славянскихъ книгъ, явившихся къ намъ изъ Болгаріи, и изъ византійской богослужебной практики, принесенной главными устроителями и руководителями русской церкви—греками. Какое-же положеніе заняли въ русской церкви славянскія книги?—Мы думаемъ, что греки съ самаго начала относились къ нимъ, какъ къ сырому матеріалу, которымъ пользовались настолько и въ такомъ порядкѣ, какъ того требовалъ уставъ греческой церкви, причемъ особенности славянскихъ книгъ, не находившія себѣ оправданія въ греческой богослужебной практикѣ, оставались безъ примѣненія и въ богослуженіи русской церкви. Для доказательства своей мысли мы не станемъ распространяться о крайней ревности грековъ ко всему, въ чемъ проявлялась ихъ національность, — а ограничимся указаніемъ на послѣдующее развитіе славянской богослужебной письменности. Только съ изложенной

точки зрѣнія мы вполнѣ поймемъ и оцѣнимъ необъяснимый иначе переводъ Ѳеодосіемъ Печерскимъ устава святой горы. Византійская богослужебная практика русской церкви и славянскія богослужебныя книги не согласовались между собой и, по мѣрѣ водворенія въ русской церкви внѣшняго благоустройства, все настоятельнѣе требовали примиренія. Пр. Ѳеодосій своимъ переводомъ и хотѣлъ удовлетворить этой насущной потребности современной церковной жизни. Потому-то новый уставъ съ такой быстротой распространился въ Россіи и получилъ такое сильное вліяніе на остальныя богослужебныя книги. Введеніе въ Россіи пр. Ѳеодосіемъ аѳонскаго устава начинаетъ собою рядъ мѣръ къ объединенію богослужебной письменности съ богослужебной практикой и составляетъ очень важный моментъ въ исторіи богослуженія русской церкви.

Послѣ всего сказаннаго наше заключеніе о церковно-практическомъ значеніи русскихъ памятниковъ чествованія Кирилла и Меѳодія едва-ли требуетъ дальнѣйшихъ объясненій. Не получивъ примѣненія въ богослуженіи русской церкви, эти памятники остались въ богослужебныхъ книгахъ мертвымъ матеріаломъ, и, какъ таковой, были исключены при первой-же реформѣ богослужебныхъ книгъ, при первомъ движеніи ихъ впередъ.

По мѣрѣ водворенія въ Россіи восточно-студійскаго устава имена славянскихъ апостоловъ въ русскихъ богослужебныхъ книгахъ являлись все болѣе и болѣе рѣдкимъ исключеніемъ, хотя, какъ указано было выше, все-таки появлялись. Во второй половинѣ XIV ст. въ Россію проникъ и сталъ распространяться уставъ и весь кругъ остальныхъ богослужебныхъ книгъ іерусалимской редакціи. Новыя книги не замедлили подчиниться вліянію современной богослужебной практики и восприняли, по ея указанію, изъ старыхъ книгъ все, что находило примѣненіе въ церковной жизни. Разумѣется, для прославленія памяти славянскихъ апостоловъ новыя книги не могли ничего позаимствовать изъ старыхъ.

III. Іерусалимскій уставъ сталъ употребляться въ русской церкви, по мнѣнію проф. Мансветова [1]), сначала въ сербской редакціи. Однако богослуженіе русской церкви не вполнѣ совпадало съ богослуженіемъ церкви сербской—ни по языку, ни по содержанію, и требовало самостоятельной русской обработки устава. Потребность эта была удовлетворена цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе самостоятельныхъ русскихъ редакцій устава, появляющихся уже съ конца XIV ст. Одной изъ первыхъ была редакція, древнѣйшіе списки которой (XIV — XV вв.) хранятся въ моск. синод. библіотекѣ подъ №№ 383 (328) и 384 (329). Въ 1401

[1]) «Церковный уставъ (типикъ)», стр. 271. Этимъ изслѣдованіемъ мы руководствовались и при нижеслѣдующемъ перечнѣ русскихъ редакцій устава.

году Аѳанасій Высотскій сдѣлалъ новый переводъ устава подъ названіемъ «Око церковное». Такъ называемый тверской уставъ 1438 г., хранящійся въ моск. синод. библіотекѣ подъ № 381 (331), служитъ представителемъ еще новой редакціи устава, отличной отъ двухъ первыхъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи уставы XVI—XVII вв. «примыкаютъ одни къ четвертой редакціи (тверской уставъ), другіе къ третьей («Око церковное»), иные не подходятъ ни къ той, ни другой и имѣютъ свои довольно крупныя особенности» (ibid. стр. 281).

Въ дополненіе къ этому наблюденію прибавимъ, что въ отношеніи памяти славянскихъ первоучителей въ уставахъ XV—XVII вв. замѣтно также вліяніе синодальныхъ уставовъ №№ 383 и 384 (328 и 329), относимыхъ Мансветовымъ ко второй редакціи. Въ нихъ и только въ нихъ изъ всѣхъ перечисленныхъ сейчасъ уставовъ, подъ 14 февраля помѣщена память Кирилла философа, въ такой редакціи: свꙗтаго отца нашего кїрила. епископа катаоньска оучителꙗ словѣномъ и болгаромъ. иже преложи рꙋськꙋю грамотꙋ с греческое ї крестилъ словѣнꙑ и болгарꙑ. Эта память, иногда въ сокращеніи и съ перемѣною «катаоньска» на «катаньска» (катанска, катанскаго) составляетъ обычное явленіе въ богослужебныхъ мѣсяцесловахъ XV—XVII вв., по крайней мѣрѣ, въ рукописяхъ библіотеки спб. дух. акад. [1]). О значительномъ распространеніи ея въ мѣсяцесловахъ означеннаго времени свидѣтельствуетъ и включеніе ея въ печатныя изданія устава и другихъ богослужебныхъ книгъ съ мѣсяцесловами. Впрочемъ она продержалась здѣсь недолго. Въ 1682 г. вышелъ изъ печати церковной уставъ, правленый не по славянскимъ «добрымъ переводамъ», какъ прежде, а по греческимъ книгамъ. Въ этомъ изданіи было исключено изъ мѣсяцеслова до 50 памятей святыхъ, не оказавшихся въ греческомъ образцѣ; въ числѣ прочихъ была исключена и память епископа катанскаго Кирилла (Мансветовъ, стр. 335). Съ тѣхъ поръ имя славянскаго первоучителя надолго исчезло изъ русскаго богослужебнаго мѣсяцеслова.

Разсматриваемая память обращаетъ на себя вниманіе своимъ оригинальнымъ содержаніемъ, какого мы не встрѣчаемъ въ студійскихъ мѣсяцесловахъ. Очевидно, что къ послѣднимъ она не имѣетъ прямого отношенія и что для объясненія ея происхожденія надо найти другіе источники.

Такимъ источникомъ является прежде всего краткое житіе Кирилла

[1]) Напр. изъ 12 уставовъ означеннаго періода времени, принадлежащихъ новгор. Соф. библіотекѣ (№№ 1137—1148), только въ трехъ (№№ 1140, 1142 и 1147) не нашлось имени Кирилла философа; укажемъ еще на уставы Тр.-Сергіевой лавры, №№ (по описанію) 239—242.

философа, сохранившееся въ русскихъ хронографахъ [1]). Въ житіи разсказывается, что послѣ миссіонерскихъ путешествій къ сарацинамъ, хозарамъ и въ «Мораву», Кириллъ «иде въ Болгары, проповѣдая Христа, такоже и въ Словены пришедъ и вся грады по Дунаву научи вѣровати Христови. И поставленъ бысть епископомъ въ Катаонѣ градѣ; и молишася ему, да научитъ ихъ книгамъ своимъ языкомъ. Онъ-же постися 40 дней, моляся Богу, и написа имъ по ихъ языку 38 словъ и тако научи ихъ книгамъ Словенскимъ языкомъ, и сего ради нареченъ бысть Словенскій учитель. И тако поживъ и многи труды и подвиги подьемъ о вѣрѣ Христовѣ и чюдеса многа сотворивъ, въ старостѣ добрѣ ко Господу отиде, и погребенъ бысть въ Катаонѣ градѣ. Мы же Словенскій и Болгарскій языкъ да глаголемъ святому отцу нашему и учителю Кирилу философу вѣчная память» [2]). Изъ этой выписки становится вполнѣ понятнымъ названіе Кирилла катаонскимъ епископомъ и учителемъ славянъ и болгаръ; о крещеніи славянъ и болгаръ въ житіи прямо не говорится, но фактъ этотъ необходимо въ немъ предполагается, такъ что составитель памяти имѣлъ полное право и полную возможность извлечь это свѣдѣніе изъ содержанія житія. Остается не объясненнымъ только сообщеніе памяти о переводѣ Кирилломъ «русской грамоты». Его можно поставить въ соотвѣтствіе съ сообщеніемъ житія о написаніи Кирилломъ философомъ 38-ми словъ для наученія катаонской паствы «книгамъ словенскимъ языкомъ». Отступленіе составителя памяти отъ своего источника подробнѣе выяснимъ въ другомъ мѣстѣ, а пока скажемъ только, что въ немъ отразилось вліяніе духа времени и современныхъ русскихъ представленій о происхожденіи славянской письменности [3]).

---

[1]) Именно въ хронографахъ 2-й распространенной и третьей редакцій. Поповъ, «Обзоръ хронографовъ русской ред.». Вып. 2. М. 1869 г. стр. 122 и слѣд.

[2]) Поповъ «Изборникъ слав.-руск. статей, внесенныхъ въ хроногр. русск. ред.». М. 1869 г. стр. 137—8, примѣч.

[3]) Мы ссылаемся на краткое житіе Кирилла философа, разумѣется, лишь какъ на ближайшій источникъ заключающихся въ разбираемой памяти свѣдѣній о славянскомъ учителѣ. Первоначальное же происхожденіе этихъ свѣдѣній скрывается въ болѣе отдаленной древности и часто держится на какомъ-нибудь историческомъ недоразумѣніи. Такъ, переселеніе Кирилла философа въ Болгарію и надѣленіе его здѣсь епископскимъ саномъ произошло, вѣроятно, вслѣдствіе смѣшенія паннонскихъ словѣнъ со словѣнами Болгаріи, съ одной стороны, и отъ смѣшенія самого Кирилла-Константина философа съ ученикомъ его Константиномъ, епископомъ болгарскимъ. Названіе мѣста епископскаго служенія и смерти Кирилла философа должно найти объясненіе въ темномъ преданіи о какомъ-то Каонѣ, о которомъ, какъ объ одномъ изъ мѣстъ проповѣднической дѣятельности первоучителя, упоминается

Въ мѣсяцесловахъ библіотеки спб. дух. академіи разсматриваемаго періода мы не рѣдко находили память Кирилла философа подъ 14 октября, въ редакціи, также не встрѣчавшейся раньше: «память иже во святыхъ отца нашего Константина философа, перваго наставника словенску языку и болгарску» [1]). Близкое сходство этой памяти съ заголовкомъ пространнаго житія «Константина философа, перваго наставника словенску языку» и то обстоятельство, что житіе съ такимъ заголовкомъ часто встрѣчается въ четь-минеѣ [2]) подъ 14 октября, свидѣтельствуютъ о взаимной связи послѣдней съ мѣсяцесловомъ. Изъ четь-минеи видно, что на 14 октября полагалось уставное чтеніе житія Константина философа; такъ оно было, какъ увидимъ ниже, въ Соловецкомъ монастырѣ.

Появленіе въ Россіи новыхъ богослужебныхъ книгъ въ сербскомъ переводѣ служитъ яснымъ указаніемъ того вліянія, какое въ XIV—XV вв. южно-славянская церковь имѣла на русскую. Подъ ея же воздѣйствіемъ у насъ опять являются съ XV в. слѣды древняго чествованія славянскихъ апостоловъ: мѣсяцесловная память Кирилла философа и тропарь съ кондакомъ изъ древней службы ему. Конечно, съ этими памятниками мы встрѣчались и въ русской богослужебной письменности студійскаго періода, но все-таки не въ ней предполагаемъ ихъ источникъ.

первоначально въ канонѣ Кириллу философу. Впрочемъ тропарь, о которомъ идетъ рѣчь, по своей неясности, составляетъ еще камень преткновенія для изслѣдователей службы и толкуется различно (см. въ упомянутомъ изслѣдованіи Воронова главу, посвященную службамъ). Городъ Каонъ упоминается также въ проложномъ житіи св. Меѳодія. Въ проложномъ житіи Кирилла, повторяющемъ—съ нѣкоторыми незначительными поправками—житіе хронографа, городъ называется Канаономъ. Переименованіе Кирилла, епископа катаонскаго, въ катанскаго произошло, конечно, вслѣдствіе смѣшенія незнакомаго города Катаона съ Катаной, извѣстной по двумъ святымъ—еп. Льву (20 февр.) и Кириллу (21 марта). Ср. «Вост. агіологія», стр. 139; Погодина «Кириллъ и Меѳодій» М. 1825 г., стр. 107) и Бодянскаго «О врем. происх. слав. письменъ» (М. 1855 г. стр. 68—70).

[1]) Къ этой памяти въ нѣкоторыхъ мѣсяцесловахъ сдѣлана любопытная приписка: «Братье, то ти есть чюдинъ (въ рукоп. Кир.-Бѣлоз. библ. № 735/992 «чюденъ») Костянтинъ, нарицаемый кюрилъ» (Рукоп. новгор. Соф. собора №№ 620, 979, 1105, 1141; слѣдов. псалт. XVI в. моск. син. библ., по «Описанію» № 410, см. отд. III, ч. I, стр. 442; въ № 652 «наричаемый чюрилъ»); въ рукоп. № 1138 приписка передѣлана такъ: «иже бѣ преже чюдинъ нарицаемъ чюрилъ», а въ № 831 Константинъ философъ названъ учителемъ Перми: «память иже во святыхъ отца нашего Констянтина ѳилосоѳа, епископа и учителя Прьми» (Л. 172).

[2]) Напр., укажемъ октябрьскую четь-минею 1490 г., новг. Соф. библіотеки № 1385.

Во-первыхъ, какъ мы старались доказать въ предъидущемъ параграфѣ положеніе кирилло-меѳодіевскихъ памятниковъ въ древне-русской богослужебной письменности было таково, что при нормальномъ, обычномъ ходѣ развитія послѣдней вліяніе ихъ на богослужебную письменность іерусалимской редакціи необъяснимо; только случай могъ привести ихъ въ соприкосновеніе. Между тѣмъ древнѣйшіе мѣсяцесловы, въ которыхъ находимъ отмѣченные слѣды прежняго чествованія памяти Кирилла философа, заключаютъ въ себѣ несомнѣнные признаки южно-славянскаго происхожденія; таковы: псалтырь съ возслѣдованіемъ, писанная Кипріаномъ, русскимъ митрополитомъ сербскаго происхожденія († 1406 г.) [1],— слѣдованная псалтырь Тр.-Сергіевой лавры, нач. XV в., [2]) и др. Находящаяся въ нихъ память «св. Кирилла философа учителя словенскаго», иногда съ незначительными варіантами, была распространена особенно въ южно-славянской письменности: здѣсь она стоитъ въ заголовкѣ службы Кириллу философу, занесена въ прологъ и перешла даже въ печатныя богослужебныя книги (напр. въ цетиньскую псалтырь 1495 г.).

Вторично занесенные къ намъ въ концѣ XIV в. древняя память Кирилла философа и тропарь съ кондакомъ (должно быть, все, что сохранилось въ южно-славянскихъ земляхъ отъ богатой когда-то кирилло-меѳодіевской богослужебной литературы) получили теперь довольно значительное распространеніе въ русской богослужебной письменности. По крайней мѣрѣ, въ рукописяхъ академической библіотеки память эта встрѣчается довольно часто [3]), а пѣснопѣнія составляютъ, можно сказать, обычное явленіе [4]). Послѣднія проникаютъ и въ мѣсяцесловы съ русскою памятью Кирилла, епископа катанскаго [5]), вмѣстѣ съ нею по-

---

[1]) «Чт. въ Общ. ист. и древн.» 1885 г. кн. I, отд. II, стр. 309.

[2]) По «Описанію» № 309 (862). М. 1872 г., ч. II, стр. 84.

[3]) Для примѣра назовемъ рукописи новгор. Соф. библ. №№ 630, 696, 836, 838, 854, 947, 1116, 1127.

[4]) Въ рукописяхъ академ. библіотеки, напр., они встрѣчаются почти во всѣхъ уставахъ и псалтыряхъ съ возслѣдованіями. Въ нѣкоторыхъ спискахъ тропаря вмѣсто «и обрѣтеся яко другій Кириллъ» читается: «и обрѣтеся яко другъ божій Кириллъ». Въ софійской рукоп. № 1105, тропарь оканчивается такъ: «разумомъ и именемъ преподобне» (вм. «премудре»). Въ одной только рукописи (псалтырь Кирилло-Бѣлоз. монастыря № $^{44}/_{301}$), подъ 14 октября, тропарь и кондакъ записаны съ именемъ Константина (вм. Кирилла, какъ обыкновенно).

[5]) Обѣ пѣсни находятся уже въ упоминавшемся выше синодальномъ уставѣ № 384 (329), только не въ мѣсяцесловѣ, а въ особомъ отдѣлѣ, озаглавленномъ: «кондаки разнымъ святымъ». «Описаніе» III, ч. I, стр. 280.

падаютъ въ уставъ 1610 г. и др. печатныя изданія, въ которыхъ и продерживаются, конечно, до 1682 г.

Повидимому, русская богослужебная письменность изслѣдуемаго періода сохранила, впрочемъ, и болѣе крупные остатки древне-славянскаго чествованія солунскихъ братьевъ. Въ рукописяхъ академической библіотеки намъ удалось найти нѣкоторые намеки на празднованіе памяти Кирилла философа *по минеѣ*, т. е. на существованіе въ русской церкви особой службы ему. Въ такъ называемомъ обиходникѣ Кирилло-Бѣлозерскаго мон., № 739/996, находится мѣсяцесловъ (лл. 122—142) на всѣ дни года (если найдутся пропуски, то незначительные) съ обычными условными значками, показывающими степень важности праздниковъ. Подъ 14 февраля, на обор. л. 132, читаемъ: «преподобнаго отца Авксентія и Кирилла канскаго» (вм. катанскаго). День этотъ отмѣченъ двумя черными точками, которымъ дано, на л. 101, такое объясненіе: «стихиры *обоимъ* на 6, канонъ единъ въ октоихѣ и *святымъ* на 8». Слѣдовательно, черныя точки, поставленныя въ нашемъ мѣсяцесловѣ на 14 февраля, предполагаютъ существованіе въ русской минеѣ службы Кириллу философу. Между тѣмъ, несмотря на самый внимательный просмотръ огромнаго числа миней въ академической библіотекѣ, ни въ одной рукописи мы не нашли ничего, касающагося памяти славянскихъ апостоловъ. Наоборотъ, изъ богослужебныхъ указаній, встрѣчающихся въ нѣкоторыхъ мѣсяцесловахъ, ясно видно, что особой службы Кириллу философу русская церковь изслѣдуемаго періода не знала. Напримѣръ, въ однихъ рукописяхъ указывается на 14 февраля: «служба преподобническая», т. е. по общей минеѣ (Соф. собора рукоп. №№ 1138, 1145); въ другихъ (уставъ XV в. № 1137) читаемъ подъ тѣмъ-же числомъ: «аще нѣсть поста, служба *его по обычаю* и самогласна *его*, стихиры гл. 2: с҃тая д҃ха с҃тагo премѹдрость». Подъ «нимъ», очевидно, разумѣется Авксентій, стоящій въ мѣсяцесловѣ на первомъ мѣстѣ. Въ виду всего сказаннаго казалось-бы довольно рискованнымъ придавать историческое значеніе показанію нашего памятника [1]), однако нашлась еще рукопись, которая вполнѣ подкрѣпляетъ его.

Въ рукописи новгородск. Соф. собора, XVII в. № 1169, соединено нѣсколько уставовъ: 1) «Уставъ церковной службѣ, иже въ Іерусалимѣ св.

[1]) Скорѣе можно было-бы предположить, что черныя точки въ обиходникѣ поставлены писцомъ ошибочно вмѣсто красныхъ. Значеніе послѣднихъ вполнѣ подходитъ къ положенію нашего праздника въ уставѣ русской церкви, насколько положеніе его обрисовывается въ массѣ просмотрѣнныхъ нами рукописей. Въ обиходникѣ № 739—996 значеніе красныхъ точекъ изложено такъ: «стихиры на 6, канона въ октоихѣ оба и мученична и *святому* (значитъ, одному первому) на 4».

лавры...», лл. 5—61; 2) «Типикъ» Соловецкаго монастыря, лл. 62—97; 3) «Послѣдованія церковнаго пѣнія и собранія вселѣтняго», лл. 98—351 [1]); 4) «Уставъ соловецкой», лл. 370—408. Въ послѣднемъ соединены статьи о чтеніи книгъ въ церкви и за столомъ, о трапезѣ и, отчасти, о службахъ. Статьи приводятся то по соловецкому, то по кирилло-бѣлозерскому уставу, о чемъ и заявляется каждый разъ. Подъ 14 февраля, на л. 391, читаемъ: «Соловецкой. На утрени чтеніе въ Богословѣ да Авксентію, а Кирилово житіе чтемъ октября 14 день; до князя (черниговскаго Михаила) ничто не указуетъ». Противъ этого на полѣ приписано: «стихиры Авксентію *и Кирилу* по 3, на 6, а канонъ по 4; по 6 пѣснѣ кондакъ Авксентію». Смыслъ этой приписки едва-ли можетъ возбуждать какія-нибудь сомнѣнія.

Въ литературѣ давно уже сдѣлано указаніе на одну рукопись, въ которой, повидимому, находится и фактическое подтвержденіе заключеніямъ, логически вытекающимъ изъ обоихъ представленныхъ нами свидѣтельствъ. Е. В. Барсову удалось найти въ раскольничьей Выголексинской библіотекѣ служебную минею на первое полугодіе, XVII в., *со службами:* 1) Константину философу, первому наставнику словенскому языку и болгарскому», и 2) «Кириллу философу, учителю словеномъ и болгаромъ» [2]). Въ описаніи библіотеки нѣтъ больше никакихъ свѣдѣній объ этихъ въ высшей степени любопытныхъ памятникахъ; въ немъ не сказано даже, подъ какими числами помѣщены службы, такъ что остается догадываться, что первая помѣщена подъ 14 октября, а вторая—подъ 14 февраля [3]).

Выголексинская минея и обѣ новгородскія рукописи позволяютъ сдѣлать предположеніе, что послѣ введенія въ русской церкви іерусалимскаго устава гдѣ-то на Руси память Кирилла философа чествовалась по минеѣ на ряду со святыми, стоящими въ уставѣ на первомъ мѣстѣ. Если такое чествованіе дѣйствительно происходило, то, по всей вѣроятности, въ сѣверной Россіи; но гдѣ именно, когда началось и въ какомъ отношеніи находилось къ древне-славянскому чествованію славянскихъ первоучителей, за неимѣніемъ болѣе подробныхъ свѣдѣній о находкѣ г. Барсова,—сказать нельзя. Одно только несомнѣнно, что оно пред-

[1]) Здѣсь подъ 14 февраля, согласно уставу 1610 г., поминаются: свв. Авксентій, Кириллъ и Михаилъ, и помѣщены тропари: сначала князю Михаилу, потомъ Авксентію и, наконецъ, Кириллу.

[2]) «Лѣтоп. занятій археогр. комм.» Спб. 1877 г., вып. 6, отд. III, стр. 43, описаніе подъ № 67.

[3]) Странно, что г. Барсовъ не вспомнилъ о своей находкѣ въ 1885 г. въ юбилейной рѣчи, посвященной главнымъ образомъ исторіи чествованія славянскихъ первоучителей въ русской церкви. Рѣчь эта напечатана въ 1-й книгѣ «Чт. въ Общ. ист. и др. росс.» за 1885 г.

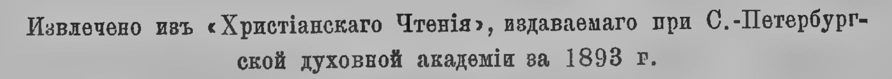
ставляло весьма рѣдкое, исключительное явленіе въ русской богослужебной практикѣ XV—XVII вв.

Дѣйствительное положеніе памяти Кирилла философа въ русскомъ церковномъ уставѣ іерусалимской редакціи до конца XVII ст. опредѣляется большинствомъ разсмотрѣнныхъ нами богослужебныхъ книгъ въ рукописяхъ и первыми печатными изданіями ихъ. По наблюденію проф. Мансветова, русскіе праздники въ XV—XVII вв. дѣлились на три группы: наиболѣе извѣстные имѣли службу обще-церковную, которая правилась съ бдѣніемъ, другіе—только тропарь и кондакъ, иные, наконецъ, записывались въ уставѣ безъ всякихъ служебныхъ указаній («Церк. Уст.», 288). Безъ сомнѣнія, память Кирилла философа, подъ именемъ епископа катанскаго—катаонскаго, если не съ самаго начала, то съ середины разсматриваемаго періода (со времени московскихъ соборовъ 1547 и 1549 гг.?) чествовалась 14 февраля наравнѣ съ средними русскими праздниками. Такое положеніе въ русской богослужебной практикѣ память эта занимала до 1682 г.

Имени св. Меѳодія мы не встрѣтили ни въ одной рукописи разсматриваемаго періода. Повидимому, внѣшняя связь русской церкви съ моравскимъ святителемъ въ это время поддерживалась только въ четьминеяхъ, прологахъ и сборникахъ, въ которыхъ житія обоихъ братьевъ и похвальныя слова имъ составляютъ довольно обычное явленіе. Исторія этихъ памятниковъ будетъ изложена въ особой статьѣ.

А. Петровъ.

Извлечено изъ «Христіанскаго Чтенія», издаваемаго при С.-Петербургской духовной академіи за 1893 г.

Типографія А. Катанскаго и К°. Невскій пр., д. № 132.

